

© 1996 г.

П. АНСАР

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Часть первая

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Научные споры часто сводят к столкновению интерпретаций. При этом наивно предполагается, что факты (исторические, экономические, социологические) уже "даны" наблюдателю и что теоретические оппозиции относятся только к их истолкованию. Что касается социологических дискуссий, которые мы будем здесь рассматривать, то подобное представление весьма далеко от реальности, поскольку они ведутся на более фундаментальном уровне. В самом деле, если бы рассматриваемые споры имели отношение к "одним и тем же явлениям", то они сразу приобрели бы ограниченный, замкнутый характер и закончились в результате тривиальной дополнительной эмпирической проверки. Если же все-таки оппозиции являются гораздо более радикальными, то потому, что касаются не интерпретаций, но именно констатации того, что эти "данные" фундаментально различны (теоретически нагружены).

Разные теории могут сходиться в признании одних и тех же частных данных (например, уровень правонарушений среди населения), однако они не будут интерпретироваться в сходных терминах, поскольку еще до самих споров "правонарушение" будет рассматриваться в рамках несоизмеримых концептуальных систем.

Таким образом, первый вопрос, который мы собираемся поставить, — это вопрос не интерпретаций (что может быть связано с весьма идеологизированными ответами: склонность левых ставить на первое место экономическую детерминацию и склонность правых преувеличивать значение индивидуальной инициативы), но вопрос о фундаментальных концепциях социальных отношений, то есть о предмете социологии. Если спор имеет характер столь радикальный, что нюансы или компромиссы практически не имеют значения, то именно потому, что оппозиции находятся на уровне, предполагающем изначально несходные теоретические "мишени".

Современный этап методологической рефлексии позволил с исключительной ясностью выявить во французской социологии ряд несовместимых позиций, конкурирующих на уровне эпистемологических предпосылок.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Всякая этикетка, обозначающая множество теоретических построений, несет значительный риск их деформации. Тем не менее нам представляется, что термин "постструктурализм" может быть временно использован для обозначения исследований, которые, не всегда открыто ссылаясь на структурализм, вписаны в развитие общих принципов, систематизированных теоретиками этой школы. Префикс "пост" означает здесь не просто приложение эпистемологии структурализма, но ее критическое переосмысление.

Продолжение. Начало см. в № 12, 1995.

Подробное исследование интеллектуального течения, которое мы называем "пост-структурализм", должно было бы привести нас к анализу работ целого ряда социологов начала 50-х годов. Однако для того чтобы подчеркнуть специфику этого течения, нам представляется более уместным проиллюстрировать его главным образом с помощью работ Пьера Бурдьё, который наиболее отчетливо сформулировал эти принципы и научные практики.

Для каждой из теорий, которую мы будем изучать, необходимо отыскать предшественников, а также ту интеллектуальную традицию, к которой она относится.

Речь вовсе не идет о безусловной принадлежности к какой-либо почитаемой традиции: ни в одном из четырех рассматриваемых в данной работе течений мы не найдем конформизма по отношению к "неприкасаемому авторитету". Каждое течение формируется через критическую рефлексию по отношению к самим этим признанным предшественникам. Тем не менее ни одна теория не конституируется без глубоких размышлений об интеллектуальном прошлом, поэтому мы можем поместить ее в долгий исторический ряд.

Концепция Бурдьё - и это то, что составляет ее оригинальность по отношению к трем другим рассматриваемым здесь теоретическим школам, - весьма недвусмысленно акцентирует социальное разделение на классы. Социологические опросы, касающиеся практик и культурных представлений студентов [1], посещений музеев [2], престижных учебных заведений [3], выявляют весьма заметную дифференциацию практик в зависимости от происхождения и классовой принадлежности. Если ограничиться этим простым критерием, то можно увидеть связь между анализом Бурдьё и долгой традицией, ему предшествовавшей (Эжен Бюре, Прудон, Маркс, Сорель...), традицией, в рамках которой социальные практики постоянно переосмысливались исходя из принадлежности индивидов к тому или иному классу. Однако это вовсе не означает, что Бурдьё соглашается с **реификацией** классов, с их трансформацией в "субъект", то есть с весьма распространенной иллюзией, порожденной некритическим использованием обыденного языка [4].

Наиболее красноречивое свидетельство отхода Бурдьё от марксистской традиции заключается в том значении, которое придается в его исследованиях соотношениям смыслов, символам, символической доминации в классовых отношениях. Краткое определение всякого социального образования как "системы силовых и смысловых отношений между группами или классами" [5, р. 20] наглядно демонстрирует разрыв между марксовым определением классов, выражающим социально-экономическую доктрину, и данной концепцией, выдвигающей на передний план символические отношения и доминации, которым последователи Макса Вебера уделяли столь пристальное внимание.

Марксизм и общественные науки

До 1940 г. работы Маркса слабо изучались во Франции и сводились в основном к их политической составляющей. После 1945 г., напротив, они стали предметом многочисленных исследований и дебатов о применимости марксистской парадигмы для научного анализа современных обществ и их трансформаций. При этом особое внимание уделялось таким темам, как детерминация социальных структур экономическими производственными отношениями, существование классовой борьбы, ведущая роль рабочего класса в борьбе против капиталистической эксплуатации, социальные функции идеологий. Эти идеи послужили источником обильного потока литературы, носящей скорее полемический, нежели научный, характер и представляющей марксизм как истину, оспаривание которой

подозрительно с политической точки зрения. Полемический запал взял верх над исследовательской работой.

Тем не менее, из этих полемических раздоров выделяется целый ряд работ, пытающихся осмыслить различные сферы общественных наук в марксистской перспективе. Это работы, связанные с социологией труда, с изучением общественных классов, с системами образования, с идеологиями. В целом с 1945 г. до 70-х во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в области общественных наук, не связывая себя догматически с отдельными деталями марксовыx положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских и консервативных моделей (Милз, 1967; Хабермас, 1968).

1970-1980-е годы отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль. Гипотеза о господстве экономического над социальным стала объектом многочисленных опровержений. В современных парадигмах усиливается внимание к индивидуальным стратегиям и решениям, к разнообразным формам конкуренции, конфликтов, коммуникации, а также к микросоциологическим феноменам, и тем самым преодолевается сугубо экономический и детерминистский взгляд на мир.

Вместе с тем марксистская парадигма в силу своей цельности и исторической, важности продолжает быть одной из образцовых моделей общественных наук и чрезвычайно плодотворным объектом социологических размышлений.

Что касается традиции, идущей от Дюркгейма, то к ней можно отнести не столько воспроизводство определенной проблематики (интеграция, аномия...), сколько умонастроение и саму концепцию социологии. В работах Бурдьё обнаруживается (даже если он сам умалчивает об этом) та же амбиция конституировать социологию как науку и отделять ее от иллюзий, равно как и от мнений. Это желание основывается, как и у Дюркгейма, на принципе объективности "социального", даже если доступ к этой объективности является результатом непрерывно возобновляемых усилий. Урок Дюркгейма оказывается основополагающим, когда Бурдьё в обычных методах и процедурах (демография, статистика...) демонстрирует те инструменты, которые делают возможной объективацию.

Однако среди всех этих интеллектуальных звеньев, которые мы связываем термином "генеалогия", структурализм, несомненно, является ключевым моментом, определяющим место теории Бурдьё. (Заметим, что основное произведение Леви-Стросса "Элементарные структуры родства" ("Les Structures elementaires de la parente") появилось в 1949 г., а первая работа Бурдьё "Социология Алжира" ("Sociologie de l'Algerie") вышла в свет более десятилетия спустя, в 1961 г.) Наследие Маркса, Вебера, Дюркгейма в рамках этой теории переосмыслено и включено в нее весьма своеобразно.

Вместе с тем теория Пьера Бурдьё никак не ограничивается принципами структурализма: она обогащалась этими принципами в ходе их критики [6]. В период наиболее значительный для профессионального формирования Бурдьё (1950-1955) антропологические исследования Клода Леви-Стросса служили примером исключительной интеллектуальной амбиции. Они расшатывали традиционные границы между общественными науками, соединяли языкознание и антропологию, вновь поднимали наиболее общие проблемы социальной организации в монографиях, сочетавших работу этнолога с работой теоретика, размышляющего над глобальными вопросами общественных наук. Более того, эти размышления не оставляли без внимания и философскую проблему человека.

Исследования систем родства были нацелены на то, чтобы раскрыть системы отношений, стоящих за родственными узлами и их организующих. Они открывали широкое поле для изучения структур отношений, остающихся незамеченными (или почти незамеченными) самими участниками этих отношений, и в особенности для изучения природы таких отношений, их постоянства или эволюции, воспроизводства в весьма неожиданных сферах [7]. Такая работа, сталкивая исследователя-гуманитария со сложным конгломератом эмпирических данных, заставляла пробираться сквозь обилие фактов, чтобы отыскать в них невидимые связи и найти им объяснение.

Для социолога такого рода исследования представляли одновременно и обещание, и вызов. С одной стороны, они давали надежду на то, что социология сможет достичь высшего уровня научного знания в соответствии с требованиями критической эпистемологии (G. Bachelard, G. Canguilhem). С другой стороны, оставалась открытой проблема, может ли структурализм, обнаруживший столько новых возможностей в области языкознания, антропологии или литературной критики, войти на законных основаниях в сферу социальных отношений, которые, начиная с О. Конта и М. Вебера, имели репутацию наиболее сложных и не поддающихся чрезмерно обобщенным объяснениям.

Первые публикации Бурдьё связаны с периодом эмпирических исследований, когда центральные проблемы, поставленные структурализмом, затрагивались им лишь факультативно. Так, работа 1961 г. "Социология Алжира" была построена в соответствии с требованиями скорее Дюркгейма, чем структуралистов, - начиная с анализа распределения этносов и их особых характеристик. Эти первые исследования не имеют ничего общего с некритическим применением заранее данной теории; напротив, они представляют собой фазу критических размышлений по поводу эффективности эвристических моделей. И только в 1964 г., изучая французских студентов, Бурдьё в своих интерпретациях обращается к структуралистской модели, а в работе 1968 г. "Ремесло социолога" (Metier de sociologue) это обращение выражено в открытом и систематизированном виде.

В течение данного периода структуралистская модель переосмысливается, и некоторые ее формулировки подвергаются критике. Новое прочтение очерка Эрвена Панофски [8] приводит к свежим гипотезам о творчестве: если верно, что архитекторы готических соборов проецировали в свои планы те модели логики и рациональности, которые они усвоили в процессе схоластического образования, то можно распространить структуралистскую модель и на творчество художника, если дополнить ее анализом интериоризации и возможной трансформации усвоенных знаний. Начиная с этого периода важнейшая проблема, стоящая перед Бурдьё и приобретающая все большее и большее значение в его последующих работах, сводится к вопросу о том, как возобновляются, воспроизводятся структуры отношений. Эта проблема привлекает внимание исследователя к поведению индивидов в качестве агентов воспроизводства определенных взглядов и ситуаций. Между двумя крайними интеллектуальными позициями, одна из которых представлена феноменологией, занятой изучением интенциональности и оставляющей в стороне проблему ее социальной укорененности, а другая - структурализмом, радикально отодвигающим на второй план самого субъекта (Л. Альтюссер, М. Фуко), возникает третий подход, в рамках которого предпринимается попытка избежать упрощений, свойственных первым двум.

В пределах рассмотренной эволюции взглядов Бурдьё его ответ на вопрос об объекте социологического исследования можно сгруппировать вокруг трех концептов: система позиций, габитус (habitus) и социальное воспроизводство.

Исходный замысел структурализма, нацеленный на теоретическое воссоздание систем отношений, является отправным пунктом аналитической и интерпретативной работы Бурдьё. Речь идет не только о воссоздании "социальных

феноменов" и еще меньше - о простом описании неупорядоченных фрагментов социального поведения, но прежде всего о том, чтобы обнаружить, какие отношения и какая система отношений организуют изучаемый объект. Это означает, в первую очередь, что не всякий фрагмент "социального" является в равной мере и на равном основании объектом знания и что нужна предварительная критическая работа, выясняющая, формирует ли рассматриваемый объект определенную систему отношений [9, p. 59-85].

Эту первоначальную аналитическую работу Бурдьё называет "стихийной социологией". Общепринятые представления, равно как и журналистские или идеологические, на самом деле всегда описывают "социальные факты", "факты общества", не заботясь о том, составляют ли таким образом соединенные факты некое единство или же речь идет о разнородных данных, подчиняющихся разным логикам. Поэтому необходимо поставить под вопрос размытое понятие "социального факта" и отделить "настоящие" объекты от "ложных". При этом социальным объектом следует считать объект, содержащий систему отношений, анализ которой позволит объяснить ее функционирование.

Итак, цель исследования заключается в выявлении логики системы и требует одновременно как редукции рассматриваемых социальных явлений, так и разнообразных подходов. Редукция необходима (так же, как и в любой науке), поскольку исследование нацелено на выявление социально доминирующих отношений, и поэтому случайные данные, равно как и данные, подведомственные исторической или экономической науке, отодвигаются на второй план. Требование структурализма оставить в стороне исследования исторического характера находит здесь непосредственное воплощение.

Вместе с тем, изучение системы отношений открывает широкое поле для исследовательской работы, где поиск организующих принципов этой системы ("разметка") является лишь начальным этапом. В дальнейшем необходимо ставить все новые и новые вопросы, касающиеся всех практических и символических результатов рассматриваемой системы, и отслеживать социальную логику ее развития по возможности полнее и глубже. Это аналитическое отслеживание имеет первостепенное значение, поскольку оно, строго говоря, и является процессом доказательств. Именно так, отслеживая развертывание социальных результатов системы отношений, можно выдвигать новые идеи, раскрывать новые скрытые связи и, в конечном итоге, оценивать исходные гипотезы.

Таким образом, структура, или, точнее, система позиций и отношений, должна быть исследована в трех направлениях: *редукция*, *"разметка"* и *развитие*.

Работа Бурдьё, посвященная социологическому изучению французского университета ("Номо academicus"), может служить хорошей иллюстрацией такого трехуровневого исследования.

а) Редукция становится необходимой с того момента, как только поставлена проблема исследования одной, совершенно определенной системы социальных отношений. Тогда оказываются отодвинутыми на задний план различные вопросы, касающиеся, например, истории (близкой или отдаленной) рассматриваемой институции, повседневные вопросы материальных средств и бюджетов, а также многообразные отношения данной институции с политическим и социальным окружением. Эта редукция прodelывается в строгом соответствии с требованиями поставленной проблемы.

б) "Разметка" системы приводит к выявлению двух подсистем позиций, которые наслаиваются друг на друга в университете. Первая подсистема, находящаяся внутри данной институции, распределяет властные позиции,

начиная с доминирующих позиций престижных и принимающих решения инстанций и кончая подчиненными позициями, лишенными власти и престижа. Вторая подсистема, одновременно внутренняя и внешняя по отношению к первой, распределяет позиции в соответствии с достигнутыми властью и престижем за пределами исходной системы – через публикации, через научные и "околонаучные" субсидии, через образ, создаваемый перед зарубежными научными сообществами... Обе эти подсистемы накладываются друг на друга и одновременно четко различаются: так, например, профессор может обладать сильной легитимностью внутри второй системы (более научной в строгом смысле слова) и иметь слабую власть внутри первой.

Данный вывод (весьма сжатый) позволяет поставить вопрос о "реальности" таким образом выявленной системы отношений. Эта "реальность", разумеется, не дана как очевидный факт. Напротив, чтобы ее "проявить", необходимо оставить в стороне наиболее очевидные факты (исторические основания, потоки студентов, борьбу вокруг финансирующих организаций и т.д.) и отыскать, следуя принципам Башляра, "потайное", которое позволило бы объяснить очевидное.

Иными словами, следует ли для раскрытия этих двух подсистем позиций учитывать лишь высказывания и оценки самих участников исследуемых отношений? Нет, напротив, надо предположить, что оценки и мотивации заинтересованных лиц в значительной мере детерминированы самой структурой, точнее, местом, занимаемым в данной системе позиций. Здесь обнаруживается важнейший аспект структуралистского подхода, согласно которому система объяснима из ее части и этот аспект учитывается в полной мере.

Бурдые иллюстрирует этот эпистемологический переворот, противопоставляя данный подход кантианской антропологической традиции. Тогда как Кант, переинтерпретировав картезианскую традицию, поставил в центр гуманитарных наук человека в его всеобщности, социологический подход переворачивает эту иллюзорную интерпретационную модель и показывает, каким образом именно структуры оказываются "у истоков" восприятий, оценок и поведения. Здесь социология может развенчать общепринятые мечты о том, чтобы сделать из человека творца условий своего существования и самого себя. Если говорить в терминах "реальности" и объективности, структура системы позиций оказывается более реальной, чем индивидуальные намерения и мотивации, социальные отношения в известном смысле "более реальны, чем субъекты, которых они связывают" [9, p. 40].

в) Однако эта "разметка" системы социальных отношений также выступает лишь как момент исследования, предваряющий анализ всех результатов (общих или частных) действия систем. Исследовательская работа заключается в том, чтобы выделить различные "цепочки" проявлений – практических, символических, идеологических, поведенческих — данной системы отношений. Так, например, при исследовании университетской системы надо прежде всего раскрыть все "тайны" этой системы, детально проанализировать различные иерархии и властные отношения, проверить до конца гипотезу о структурной детерминации, зафиксировав все проявления системы на уровне индивидуального поведения. Именно это раскрытие исходных гипотез должно показать их истинную ценность.

В противоположность социологическому эмпиризму, требующему

уважения к чистому факту так, будто реальность "дана" наблюдателю во всей полноте и причинной обусловленности, социологическое исследование выступает как "восстановительная" работа, точнее, как работа созидательная, если пользоваться выражением Башляра.

Эта созидательная работа проявляется на различных уровнях исследования, идет ли речь о создании системы отношений или о "создании" отдельных фактов. Лучше всего это можно показать на примере использования понятия "поля". Чтобы обозначить в целом такие сложные и обширные комплексы, как политическая система или совокупность социальных отношений, объединяющих и разделяющих создателей культурных ценностей и символов, Бурдьё предлагает использовать термин "поле". Под термином "политического поля" или "интеллектуального поля" надо понимать не совокупность лиц, занимающихся политикой или производством культуры, но систему позиций, которые эти политические или культурные агенты могут занимать.

Таким образом, интеллектуальное поле может быть определено как "система отношений, которые устанавливаются между агентами системы интеллектуального производства" [10, р. 870]. Вся совокупность институций (издательства, академии...) входит частично или полностью в эту систему и участвует в особой конкуренции, противопоставляющей этих агентов: конкуренции за культурную легитимность.

Такое интеллектуальное поле построено, конечно же, самим социологом, который именно через такое построение "задает" себе свой объект. Бурдьё по этому поводу напоминает слова де Соссюра: "Точка зрения создает объект" [9, р. 59], а также сходные высказывания Маркса и Вебера, которые подчеркивали, что объект исследования рождается из построения новых концептуальных связей. Однако это построение не является произвольным: оно становится возможным лишь благодаря социально-исторической реальности. Таким образом, структурный метод, предлагающий рассматривать интеллектуальное поле как "систему, управляемую своими собственными законами" [10, р. 866], утверждает себя лишь в силу той автономии, которую в западном обществе с течением времени приобретает интеллектуальное производство в противовес другим формам власти - экономической, политической, религиозной. Это предполагает, что структуры или поля не являются обозначением формальных связей, которые просто накладываются на всякое социальное образование, но выступают именно как модус реальности, раскрытие которого и составляет задачу социолога. В соответствии с общими принципами Макса Вебера, социологическое знание - это работа по созданию связей и концепций, берущая начало в бесконечно сложной и разнообразной социальной действительности.

Этот общий принцип применяется столь же последовательно к концептуальной разработке понятия "*габитус*".

Термин "пост-структурализм" кажется нам уместным для характеристики эпистемологической позиции Бурдьё в значительной мере благодаря введению в его исследования концепции габитуса и важности теоретических разработок, осуществляемых с ее помощью. В одном из интервью в апреле 1985 г. Бурдьё подчеркивал, что при помощи понятия габитуса и его определения он хотел "выступить против механицистской ориентации... структурализма" [6, р. 23]. Эта критика структуралистского механицизма позволяет ясно обозначить, что и в какой критической интерпретации Бурдьё заимствует из структурализма.

Структурализм Соссюра, как и структурализм Леви-Стросса, настаивал на том, то именно господствующие структуры, а не выражения и мнения агентов необходимо рассматривать в качестве имеющих экспликативное значение.

Бурдые должен был строго следовать этому принципу "бессознательного", рассматриваемого как метанаучный принцип, т.е. принцип методологического детерминизма. Эту позицию он ясно выражает в работе "Ремесло социолога": "Не описание индивидуальных позиций, мнений и установок служит экспликативным принципом организации, но понимание объективной логики данной организации приводит к принципу, способному дать дополнительное объяснение позиций, мнений и установок..." [9, p. 41].

Если понимать буквально это высказывание, то надо исходить из того, что сама система механически навязывает индивидам нормы поведения и что последние лишь воспроизводят эту систему. Однако такой подход сделал бы недоступным для понимания любое творчество, инновацию или даже столь подробно рассматриваемые конкурентные отношения. Означает ли это, что Бурдые возвращается к теории свободного субъекта и хочет реконструировать образ, близкий к homo economicus, обладающему даром оценивать точное состояние социальных связей и находить оптимальный способ получения прибыли? Все его предыдущие исследования идут вразрез с такой концепцией. Таким образом, отказываясь от рассмотрения действующего индивида как простого отражения объективной структуры, с одной стороны, и отказываясь не менее радикально от прекращения поисков детерминирующих факторов, Бурдые переформулирует эту проблему в терминах генезиса: "Если бы я увлекался игрой в ярлыки... я бы сказал, что пытаюсь разработать теорию генетического структурализма" [6, p. 24].

Итак, вопрос заключается в том, чтобы объяснить, каким образом приобретенные социальные навыки (формальные и неформальные, артикулированные и неартикулированные) навязывают определенные способы восприятия и поведения социальным агентам. Здесь конкурируют - и это наиболее очевидно - семья и система образования, однако актуальный социальный опыт, который непрерывно обновляется, в равной мере участвует в процессе. Происходит то, что можно назвать "интериоризацией внешней среды". Субъекты, находящиеся в различных социальных условиях, приобретают разные установки в зависимости от переживаемого ими исторического момента и места, занимаемого ими в данной социальной системе.

Таким образом, *габитус обозначает совокупность приобретенных установок, схем восприятия, оценок и действий, навязываемых социальным контекстом в определенном месте и в определенное время.*

Это определение должно быть дополнено тем, что габитус как система приобретенных предрасположенностей является одновременно производителем практик, "матрицей восприятий, оценок и действий" [11], "исходной грамматикой практик", и именно в этих двух ракурсах надо рассматривать данное понятие. Габитус выступает посредником между объективными отношениями и индивидуальными действиями; он является одновременно продуктом интериоризации объективных условий и условием индивидуальных практик: "Между системой объективных закономерностей и системой непосредственно наблюдаемых действий всегда находится посредник, который и есть габитус, геометрическое место детерминирующих факторов и детерминации ожидаемых переживаний объективного будущего и субъективного проекта" [12].

Поскольку условия получения знаний и их усвоения относительно одинаковы внутри одного и того же социального класса, можно охарактеризовать habitus класса, усвоенного через всю систему образования, включающую семью, школу и социальный контекст. Причем неформальные способы интериоризации внешней среды могут быть не менее значимы, чем формальные.

Таким образом, габитус делает возможным целый набор типов поведения и

отношений, соответствующих усвоенным знаниям и тем самым — объективным закономерностям: он делает возможным экстерииоризацию интериоризированного. Эта экстерииоризация бессознательных схем мышления, восприятия и действия позволяет индивидам воспроизводить через хорошо обоснованную иллюзию новизны и свободной спонтанности мысли, восприятия и действия, соответствующие объективным закономерностям и классовым отношениям. Габитус класса имеет своим следствием такое поведение индивидов, при котором объективные отношения между классами упрочиваются.

Итак, понятие габитуса дает нам важнейший элемент решения проблемы *социального воспроизводства*.

Факт социального воспроизводства, в первую очередь воспроизводства системы классовых отношений, подтверждается статистическими данными, касающимися распределения экономических и культурных благ. Изучение возрастающей мобильности предполагает (независимо от размаха этой мобильности) момент воспроизводства, который необходимо учитывать.

Структурализм, рассматривающий так называемые традиционные общества, склонен выдавать за данность незыблемость структур, не задаваясь вопросом о воспроизводящих их условиях. Анализ Маркса дает обобщенный ответ на вопрос о воспроизводстве классовой системы, но он ограничен экономическими отношениями и до крайности преувеличивает значение присвоения капитала. Исследования Бурдьё, напротив, направлены на выявление всех результатов культурного воспроизводства, причем особенно большое внимание уделяется при этом роли образовательной системы (1970) и культурным различиям (1979). Эти исследования требуют введения определенного набора понятий, в частности, раскрытия понятий *символического насилия, культурного капитала, стратегии воспроизводства*.

Образование, несомненно, имеет своей единственной задачей возобновление "культурного произвола" и навязывание легитимности господствующим классам. Но эта специфическая роль образования обычно не признается. Она прикрывается, в частности, традиционной идеологией равных возможностей, которая пытается доказать, что именно система образования восстанавливает среди учащихся строгое равенство условий и ставит успех в зависимость исключительно от заслуг. Находясь в соответствии со структурой классовых отношений, образование, однако, участвует (в свойственных для нее формах) в возобновлении доминанции через навязывание господствующей культуры как культуры легитимной. Прокламируемый нейтралитет образования, приводящий на самом деле к исключению доминируемых классов, укрепляет легитимность классовых различий, превращая их в результат справедливой конкуренции. Затемняя культурный произвол и заставляя признавать себя как легитимную инстанцию принуждения, она узаконивает иерархию культур, свойственных каждому классу, и навязывает, узаконивает доминирующий культурный произвол. Педагогическая деятельность "стремится поставить под сомнение объективную истину о культурном произволе, поскольку, признанная как легитимная инстанция принуждения, она заставляет признать этот культурный произвол в качестве легитимной культуры" [5, p. 37].

Таким образом, система образования осуществляет символическое насилие, то есть навязывание культурного произвола и габитуса, соответствующего определенному общественному классу. Она обеспечивает господствующим классам добавочную легитимацию, утверждая присвоение ими культуры. Эта функция легитимации, осуществляемая школой, выражается, в частности, в том, что она заставляет подчиненные классы принять систему знаний господствующих классов: "... один из наименее заметных эффектов

обязательного школьного образования состоит в том, что оно приводит к усвоению подчиненными классами легитимной системы знаний и навыков, он влечет за собой обесценивание тех знаний и навыков, которыми эти классы обладают на самом деле" [5, p. 57].

Итак, школа участвует в навязывании определенных отношений господства и подчинения без видимого насилия, она делает это "мягко", посредством навязывания определенного символического поля. Этот эффект узаконивания классовой иерархии становится явным в случае усиления символического капитала. Дети привилегированных классов приходят в школу, уже обладая лингвистическим капиталом, лингвистической компетенцией, более близкой школьному языку, нежели компетенция детей "простого происхождения". Отсюда следует, что школьная элиминация сильнее ударит по этим последним, узаконивая еще раз отбор детей привилегированных классов. В данном случае при анализе школьной системы акцентируется механизм навязывания и передачи классового габитуса. Напротив, в работе "La Distinction" Бурдьё ставит акцент на стратегиях, которые используются агентами для того, чтобы обеспечить социальные отличия и способы их четкого опознавания. Между "La production" и "La Distinction" можно отметить определенную эволюцию по направлению к более деятельной концепции поведения агентов. Вместе с тем эта эволюция стала возможной благодаря прежним теоретическим поискам, ибо если, например, тема образования передает учащимся и студентам символический капитал, то она дает также средства его использования в стратегиях социальной классификации. Впрочем, школа не является единственной в передаче габитуса: исследования, проведенные среди студентов-филологов, показывают, что значительное количество "наследников" располагают внеуниверситетскими средствами (досуг, искусство), чтобы отличать себя от непривилегированных классов. Здесь открывается новое исследовательское поле, в котором анализируется уже не само воспроизводство габитуса, а практики, нацеленные на это воспроизводство, - воспроизводственные стратегии. Такова цель наиболее кропотливого исследования Бурдьё: проанализировать эти многочисленные стратегии, которые, особенно в области символов и культурных связей, делают возможным воспроизводство классовых отношений через обращение к многообразным отличиям [13]. Теперь воспроизводство будет осуществляться уже посредством символических конфликтов, и именно в этих терминах мы к нему вернемся, когда будем рассматривать позицию Бурдьё по отношению к проблеме социальных конфликтов.

Если резюмировать эту главу, в которой ставился вопрос о понимании объекта социологии в работах Бурдьё, то можно констатировать, что в них постоянно присутствует двойной интерес: проанализировать во всех проявлениях социальные и символические структуры и исследовать многообразные отношения, скрывающиеся между ними. Механическому структурализму, который смешивает социальную структуру и структуру символическую или рассматривает их как идентичные, Бурдьё противопоставляет генетическую рефлексию, где дается недогматический ответ в терминах множественных диалектических отношений; каждая концептуальная новация вводит все более сложные отношения между социальными структурами и структурами символическими.

ДИНАМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Имея в виду, что наша цель заключается в выявлении разнообразия социологических теорий, мы попытаемся теперь показать, насколько исследовательская ориентация того направления в социологии, которое вслед за Жоржем Баландьё можно определить как "динамическое", отличается от

ориентации генетического структурализма. Трактовка предмета социологического исследования, которая дается в рамках этого направления, отличается недвусмысленным образом от его трактовки, изложенной в предыдущей главе. Предельно упрощая эти две противоположные трактовки, можно сказать, что динамическая социология противопоставила себя структурализму - тому значению, которое последний придает структурным характеристикам, с тем чтобы поставить в центр исследования изменения, мутации, социальные движения, становление обществ.

Если попытаться выделить предшественников этого теоретического направления, можно обнаружить, что проблема становления заложена в самих истоках социологической мысли, которая вместе с Сен-Симоном и Огюстом Контом ставила перед собой задачу осмыслить «социальную динамику» и движение к "индустриальному обществу". Алексис де Токвиль ставит перед собой задачу проанализировать процесс "выравнивания условий" и выявить его неизбежный характер. У Маркса речь идет об обнаружении того факта, что углубление противоречий ведет к краху капиталистического способа производства. Герберт Спенсер в конце XIX века развивает эволюционистскую гипотезу, согласно которой общественные формы становятся все более и более сложными и гетерогенными. Таким образом, социологическая традиция оставила в наследство не какую-то одну доктрину социальных изменений, но огромное поле вопросов (как и почему трансформировались вчерашние общества? как, почему и в каком направлении трансформируются современные общества?) и целый набор противоположных ответов. Во всех этих спорах не последнюю роль играли политические предпочтения, толкавшие консерваторов к умалению глубины изменений, а революционеров - к подчеркиванию их радикальности. Многочисленные споры были вызваны и в высшей степени размытым понятием эволюции, что привело к появлению разнообразных его интерпретаций.

Реакция на структурализм была связана также с тем, что он пытался избежать значительных трудностей в осмыслении социальных изменений, предлагая с помощью выбранного им метода вынести за скобки исторический подход и систематически разделять социологию и историю в рамках структурно-лингвистической модели, работающей в пространстве языка и речи.

Вопреки существующему упрощенному представлению об истории эпистемологических моделей в среде французских социологов 1950-1965 гг. не было единодушного принятия принципов структурного анализа. Многие из них не использовали в своих работах принципы структурализма (Жорж Гурвич, Жорж Баландь, Ален Турен, Жан Дювиньо, Эдгар Морэн, Клод Ривьер) и, не всегда прибегая к полемике, разрабатывали свои методы и интерпретации, прямо противоположные структуралистской парадигме. Эта оппозиция структурализму не выкристаллизовалась в конкурирующую догматическую школу, да и не так-то просто обозначить здесь границы одной школы: речь идет об эпистемологическом течении, в котором мы выделим особо значимые работы (Жорж Баландь, Ален Турен). Мы не станем также говорить здесь о "парадигме" в значении Т. Куна: речь пойдет скорее о концепции, привилегиирующей определенную область данных и более ясно выраженной в своих утверждениях, чем в своих исключениях.

В основаниях динамической социологии заложен главным образом опыт исторических и социальных изменений. Первые работы Ж. Баландь касаются деколонизации, развития, образования африканских государств сразу после обретения ими независимости [14]. Эти работы предваряются констатацией того, что африканские общества находятся в фазе преобразований и что они были в ней прежде. Они переживают период деколонизации, перехода от колониальной политико-экономической системы к политически самостоятельной системе. До этого они пережили фазу глубокой

трансформации, связанной с колониальным периодом. В работах об обществах, находящихся в процессе серьезных изменений, Ж. Баландье видит свою главную задачу в том, чтобы раскрыть ("инвентаризировать") разнообразные аспекты этих изменений: миграция, уменьшение сельского населения, урбанизация и последствия переуплотнения городов [15], трансформация родовых связей, статусные сдвиги, сопротивление изменениям или стратегии, нацеленные на извлечение выгоды из этих изменений. При этом исходным принципом исследователя является не выделение того или иного изменения, в соответствии с его концептуальным выбором, но скорее определение всего поля изменений с тем, чтобы вычленив в нем многообразные внутренние связи и внешние зависимости. В действительности же такой выбор предмета, на первый взгляд зависящего лишь от "полевых" характеристик, тесно связан с определенным типом теоретизирования и с присущей ему эпистемологической критикой.

Подчеркивая множественность изменений, которые переживали африканские общества, исследования Ж. Баландье были имплицитно нацелены на то, чтобы показать: эти общества никак не являлись (или больше уже не являлись) теми стабильными, гармоничным образом интегрированными системами, теми холодными обществами "без истории", которые столь дороги традиционной этнологии. Вместе с тем в них содержалось подозрение, что этнология, упорно пытавшаяся обнаружить в африканских обществах незыблемый порядок и устойчивые структуры, была в известном смысле связана со старым колониальным режимом, заставлявшим видеть в колониальных обществах неподвижные миры, которые нужно (с большим трудом) модернизировать. Сама возможность изучать африканское царство как политическую систему, вовлеченную в историю, указывала на значительное количество других возможных подходов и заставляла отвергнуть многие традиционные гипотезы [16]. В связи с этим возникало и другое подозрение - в том, что структурализм, опираясь в своем исследовании на социальные инварианты, с одной стороны, и на простое воспроизводство социальных установлений - с другой, продолжает в определенной мере принципы этнологии.

Из этой цели проистекает также дистанцирование от интерпретаций, порожденных марксизмом. Не умаляя их ценности, Ж. Баландье испытывает сомнения в том, что они могут быть применимы к модернизационным изменениям. С его точки зрения, марксистские экспликативные модели преувеличивают значение модификаций в сфере социальных производственных отношений в связи с технологическими переворотами. История колонизации и деколонизации обнаружила решающее значение других факторов: политического господства, культурного сопротивления, вмешательства иных (по сравнению с описанными Марксом) исторических агентов.

Более того, история не подтвердила гипотезу об обязательной эволюции по направлению к сходным политическим моделям. Поэтому вместо предположения о существовании исторической необходимости следует ставить вопрос об отсутствии исторической предопределенности, о противоречивых потенциях, которые таят в себе эти общества, и о возможностях выбора различного будущего.

В такой теоретической перспективе понятие структуры теряет свою эпистемологическую привилегию. Даже если эмпирически необходимо временно выделять устойчивые элементы в рамках данного периода, тем не менее нельзя надеяться на то, что анализ стабильных состояний дает единственный ключ к пониманию социальных сдвигов. Понятие структуры Ж. Баландье часто заменяет выражениями "социальное устройство", "структурное постоянство" именно для

того чтобы напомнить, что это устройство имеет временный характер, что оно является результатом предшествующих практик и будет преобразовано последующими. Присвоение исключительной привилегии структурному анализу было бы равнозначно предположению о том, что функционирование и преобразование внутренне присущих обществу структур само по себе порождает его будущее. Однако при этом произвольным образом игнорируется то обстоятельство, что это общество подвержено воздействию других, внешних по отношению к нему обществ, и это воздействие осуществляется на различных структурных уровнях - социальном, политическом, культурном, экономическом. В связи с этим возникает двойная задача: определить "внутреннюю" и "внешнюю" динамику, а также их взаимоотношения [17].

Взятый отдельно, структуралистский подход заставлял бы думать, что контакты между двумя обществами выражаются в столкновении двух структурированных систем и могут привести лишь к разрушению более слабой системы. Однако внимательное наблюдение показывает, что нельзя ограничиться упрощающей оппозицией между "традиционным" и "современным" обществами. Необходимо, напротив, в целом ряде конкретных ситуаций установить, каким образом традиционная система эволюционирует и при этом не разрушается, каким образом, например, глава рода ставит "современные" экономические цели, используя для их достижения традиционную систему и преданность крестьян своим обычаям. Традиционная структура не порождает эти изменения, но социальные актеры, знатные лица, столкнувшись с новыми экономическими переменами, могут использовать прежнюю структуру, поддерживать ее и вместе с тем модифицировать ее в свою пользу [17, p. 225-230].

Таким образом, не существует неизбежного противоречия между структуралистским и динамическим подходами: один может дополнять другой [17, p. 230]. Динамический подход ставит акцент на раскрытии всего того, что содержится в потенциале того или иного общества, что мало заметно, латентно, не выражено во внешних формах: «Общество никогда не является тем, чем оно кажется или чем оно хочет быть. Оно выражает себя по меньшей мере на двух уровнях: один, поверхностный, представляет "официальные", если можно так сказать, структуры; другой, глубинный, обеспечивает доступ к реальным и наиболее фундаментальным отношениям, а также к практикам, раскрывающим динамику социальной системы» [17, p. 7].

Такой теоретический демарш вскрывает сложность, которая рискует оказаться незамеченной в односторонней перспективе. Локальные изменения, социальные драмы могут стать "проявителями" этой сложности. Так, например, вместо того чтобы воспринимать традиционное общество как простую и однородную единицу можно заметить, насколько это общество гетерогенно. Ж. Баланье берет здесь на вооружение предложение Анри Лефевра различать во всяком обществе "вертикальную сложность", проистекающую из устойчивости сложившихся в разное историческое время формаций, и "горизонтальную сложность", соответствующую переплетению структур в данный момент времени [17, p. 219].

Таким образом, социология должна быть в состоянии определять временные рамки, свойственные различным сегментам общества, равно как и улавливать конъюнктурные особенности. Всякое исследование, которое хочет быть "актуальным", вынуждено учитывать одновременно как процессы, разворачивающиеся на протяжении длительного периода, и их сложность, импульсы, проистекающие из социального и политического контекста, так и латентные силы, которые проявятся лишь в конфликтной ситуации. Динамический подход, "призвание" которого – обращать внимание на

изменения, на мобильность, должен быть открыт по отношению к разным конъюнктурным ситуациям, несмотря на их скоротечный характер.

В противоположность социологии, фокусирующей свое внимание на устойчивы постоянных элементах социального, динамическая социология стремится подчеркнуть не просто трансформации, но и более того, сам факт принципиальной незавершенности во всяком социальном устройстве [17, р. 219]. Эта незавершенность, непрочность, хрупкость характеризует любой общественный порядок и делает его, вопреки мечтаниям защитников, способным к самоизменению.

Антропология

Во Франции, как и в Великобритании, с начала XIX века колониализм благоприятствовал развитию исследований колониальных обществ. Эти исследования носили описательный характер; многие из них ставили перед собой задачу проанализировать нравы и верования, которым, как предполагалось, грозит неминуемое исчезновение. Одновременно развивалось весьма амбициозное течение мысли, отмеченное в Великобритании именем Герберта Спенсера, а во Франции - школой Дюркгейма, в рамках которого усилия были направлены на сравнение различных обществ и на конституирование антропологии, основанной на компаративных исследованиях.

В 1949 г. публикация "Элементарных структур родства" Леви-Стросса, положившая начало структуралистскому движению, привела к оживлению эпистемологических размышлений и к фундаментальным дебатам как по поводу изучаемых социальных систем, так и по поводу теорий и методов антропологического подхода. В ходе дебатов, в которых участвовали французские и английские этнологи, ставились не только теоретические проблемы, но также проблемы, относящиеся к этнологическим практикам, к привилегированным объектам исследований (системы родства, символические системы, технологии) и к властным отношениям между экономически господствующими нациями и подчиненными культурами или культурами, находящимися под угрозой уничтожения.

Развитие этнологических исследований современного французского общества подтвердило продуктивность этнологических подходов (изучение общества на микроуровне; особые идентичность и социальность, меньшинства и т.д.) и их полезность для более тонкого понимания развитых обществ. Неудивительно, что такое перенесение методов, ранее используемых для наблюдения за отдаленными обществами, имело следствием диверсификацию проблематики и обогащение самих методов.

Во второй половине 60-х годов Ж. Баландые сформулировал новый вопрос: применимы ли эти общие положения, извлеченные главным образом из изучения развивающихся обществ, к исследованию индустриального общества? С точки зрения предмета, такая формулировка не меняет существа первоначально поставленного вопроса (как анализировать социальную динамику?), однако модифицирует поле исследований в двух возможных направлениях. Что касается первого, то здесь Ж. Баландые предлагает исследовать, каким образом динамическая социология, ставящая в центр размышлений политические отношения (власть, порядок, субординация), может создавать трансверсальные (сквозные) объекты, сравнивать отдаленные друг от друга ситуации с тем, чтобы конституировать политическую антропологию, берущую на вооружение предшествующие эпистемологические достижения. В последующих главах о конфликтах и об отношении к "символическому" мы увидим, как такая антропология, преодолевая границы этнологии и социологии, ответит на эти вопросы [18].

В рамках второго направления ставится вопрос о том, может ли социология развивающихся обществ выступать в качестве эффективного исходного материала, позволяющего лучше понять характеристики развитых индустриальных обществ. Иными словами, в чем именно понимание развивающегося общества может

конституировать новый взгляд на развитое общество [19].

Тем не менее центральная проблема остается той же: разработать социологию и антропологию социальной динамики, определить их предмет и предложить концептуальный инструментарий, идет ли речь о традиционных обществах или об обществах, называемых современными, и постараться сравнить сравнимое и различить различное.

Попытки решения этой столь внушительной задачи - переосмысления общественных трансформаций - составляют, как мы уже сказали, скорее определенное течение мысли, нежели жесткую парадигму. Так, работы Алена Турена и его единомышленников могут быть отнесены к данному направлению теоретизации, тогда как эмпирические исследования, иллюстрирующие и обосновывающие эти теоретические модели, связаны уже не с африканскими обществами, а с социологией труда. Его работы об эволюции труда рабочих на заводах Рено [20] и об условиях жизнедеятельности рабочих - выходцев из деревни [21] (последняя написана совместно с О. Рагацци), а также критические размышления об этих изменяющихся условиях стали отправным пунктом в его попытках переопределить основной объект социологии в терминах социального действия и социальных движений.

Ответ на вопрос о предмете социологии, ясно сформулированный в середине 60-х годов, определяет эту ориентацию и дистанцирование ее по отношению к структурализму. А. Турен подчеркивает здесь прежде всего само значение данного вопроса и ответа на него. В области социальных наук "прогресс, достигнутый в течение столетия, был непосредственно связан с раскрытием предмета, присущего именно социологии" [22, p. 7].

Это фундаментальный вопрос, поскольку ответы на него проистекают либо из "социальных доктрин", либо из теоретических рамок, позволяющих осмыслить современные трансформации. А. Турен располагает рассуждение именно на этом уровне, отмечая оригинальность своего ответа по отношению к тезисам Маркса, Вебера и Толкотта Парсонса. Объект социологии не сводится, как представляет вульгарный марксизм, к анализу социальных последствий одного "доминирующего фактора" - экономического порядка [22, p. 10]. Этой натуралистской концепции А. Турен противопоставляет, если говорить о самом главном, критику Макса Вебера, согласно которой объект социологии заключается именно в том, чтобы восстановить целеполагание актеров, при том, что главной особенностью социального факта является связь между объектом действия и значением, которое актер приписывает этому объекту.

Отталкиваясь от этих веберовских постулатов и подвергая критике их ограниченность, А. Турен понимает социологию не как одно только исследование актера, ориентации которого определялись бы по отношению к объекту действия, но как изучение социального действия, действия исторического субъекта, ориентации которого детерминированы совокупностью социальных условий. При этом социальная реальность в целом должна анализироваться как "совокупность систем действия" [22, p. 35]. Трудовой процесс представляет модель и избранное поле этого "акционистского" анализа, а сам труд определяется прежде всего как коллективная деятельность: "как отношение человека к своим творениям и как принцип поведенческой ориентации, простого факта, что работник ценит свои творения и требует вместе с тем, чтобы они рассматривались как продукты его деятельности, а не как вещи" [22, p. 38].

Понятно, что такая концепция социологии разрабатывается в непосредственном споре отнюдь не со структурализмом. Поиски интеллектуальных связей ведут, напротив, к критической рефлексии по поводу социологической традиции, отмеченной именами Сен-Симона, Маркса и Вебера, а также по поводу

современных исследований в терминах "социальной системы". В этой перспективе исследование структур является частным случаем, не занимающим центральное место в рамках собственно социологического предмета, поскольку оно ведет к переосмыслению факторов, определяющих действие, но не существо самого действия.

Появление акционизма отсылает нас к самой истории и к новым формам сознания, связанным с современными обществами. В XIX веке социология рождается одновременно из осознания социального гнета, из опыта отчуждения и из осознания классовых конфликтов, схваченных в терминах исторических сил. В то же время ощущение присутствия этих неконтролируемых сил приводит к их реификации, когда общество выглядит рабом тех сил, которые оно само породило. Индустриальному обществу, в котором господствует неконтролируемое развитие производительных сил, наследует совершенно иное общество, где гораздо более отчетливо выражены политические и экономические решения, воля к организации и развитию, усилия различных социальных составляющих, направленные на то, чтобы контролировать орудия и результаты труда. Такому обществу, находящемуся в процессе непрерывной трансформации, соответствует *социология действия*, рассматривающая общество в целом как систему действий. Эта характеристика постиндустриального общества, данная в общих чертах во второй половине 60-х годов, становится все более и более значимой в последующих трудах. С нее начинается работа "Производство общества", изданная в 1973 г.: «Общества научаются осознавать себя социологически лишь тогда, когда они узнают в себе продукт своего собственного труда и своих социальных отношений, когда то, что казалось вначале совокупностью социальных "данных", признано результатом социального действия, решения или соглашения, господства или конфликта» [23, p. 7].

Итак, переход от представления о "воспроизводстве" общества к представлению о его производстве и самопроизводстве обусловлен социальными разрывами. Ускоренные преобразования, вызванные кризисом 1930-х годов, а затем исключительным подъемом, последовавшим за второй мировой войной, укрепили сознание историчности (l'historicite) общества и человеческих возможностей. Создание, а затем падение тоталитарных режимов показали, до какой степени может доходить разрушительная мощь политической власти [24]. Кризис моделей роста заставляет пересмотреть экономические модели. Наконец, история XX века достаточно убедительно показала, сколь многочисленны политические движения, могущие потрясти гораздо сильнее, чем прежде, целые общества. В обществах, которые уже не могут сослаться на таких "метасоциальных гарантов", как боги или миф универсального прогресса, обостряется сознание того, что само общество делает себя, что оно есть "воздействие на самое себя", самопроизводство.

Вопрос ставится не столько о том, каким образом изменяются современные общества, сколько о том, *каким образом они себя производят*. Иными словами, как конституируются современная "историчность" и ориентация общества на практики самопроизводства? Турен предлагает различать три основополагающих компонента: *сознание*, и, в частности, представление о мире, о социальных отношениях и о том, что находится за их пределами (le non-social), а также язык, с помощью которого выражается направленность социальных действий и определяется конкретная ситуация; *накопление*, в ходе которого часть потребляемого продукта инвестируется в производство и участвует не только в трудовом процессе, но и в производстве самого труда; наконец, *культурная модель*, посредством которой общество воспринимает себя и артикулирует собственную созидательность; в обществах с сильно

выраженной историчностью, какими являются индустриальные или постиндустриальные общества, культурная модель носит практический характер, она превращает науку в движущую силу социального творчества и преобразования природы [23, р. 28-30].

Такое различие позволяет лучше увидеть дистанцию между разными моделями общества, а также специфику современных обществ. Аграрное и традиционное общество представляет собой модель наиболее слабой историчности: накопление сводится к воспроизводству труда и его орудий; культурная модель превращает в ценность все повторяющееся и трансцендирует постоянство в религиозные верования. В постиндустриальном обществе, напротив, представление о креативности не включает в себя никаких метасоциальных гарантов существующего порядка. Общество мыслит свое развитие как программируемый выход за свои пределы. Инвестиции здесь обретают многообразные измерения; они, в частности, направляются в науку и технику, но также в средства коммуникации и самовыражения.

Эта типология проясняется с помощью специфического аналитического инструмента, предлагаемого для переосмысления "производства" общества - понятия "система исторического действия" ("Systeme d'Action Historique"). А. Турен предлагает обозначить этим выражением особую комбинацию, которая воплощает все три отмеченных измерения (сознание, накопление, культурная модель). "Система исторического действия" показывает посредством воплощенной в ней комбинации динамизм социально-экономической организации, или, выражаясь словами автора, "способ воздействия историчности на социальные практики" [24, р. 86] (схема).

Эта комбинация обнаруживает три пары оппозиций: движение/порядок - ориентации/ресурсы - культура/общество, а также конфликты в рамках каждой из них. Культурную модель, даже если она лишь идеология или мечта, должно дополнять то, что ставит человеческие ресурсы на службу этой модели: мобилизация. Культурная модель должна быть также связана со способом иерархизации, равно как этот последний дополняется определением (в значительной степени культурным) потребностей.

"Система исторического действия" является именно аналитическим инструментом; она ни в коей мере не предназначена для определения конкретных социальных образований. Она позволяет лучше продумать элементы, порождающие те напряженности и противоречия, которые благоприятствуют или сдерживают общее движение общества; помогает понять, как и через какой тип конфликтов общество себя производит.

Если говорить о применении этой теоретической конструкции к конкретным исследованиям, то в этом случае повышается значение исследования *социальных движений*. В самом деле, и построение аналитического инструментария, и изучение движений подчинены одному и

тому же интересу (так же, как и социологическая интервенция в эти движения, о чем речь пойдет ниже). Если предмет социологии заключается в осмыслении общественной динамики, или, в других терминах, в производстве общества посредством самого себя, то основная социологическая проблема связана именно с социальными движениями. При этом общество выступает как действие на самое себя через социальные конфликты: «Именно такое (понимание общества) делает главным предметом социологии изучение способов социального действия и в первую очередь изучение таких действий, которые в наиболее непосредственном виде "инвестируются" в историчность, т.е. классовых отношений и конфликтов, - действий, которые называются социальными движениями» [25].

Термин "социальное движение" в данном теоретическом контексте обретает совершенно точное определение. Здесь социальное движение означает не что иное, как движение, локализованное на уровне "системы исторического действия", движение, которое выражает столкновение противоположных интересов по поводу контроля над факторами развития общества. Поэтому социальное движение не является лишь совокупностью действий, оппозиционных установленному порядку, ни даже совокупностью действий, организованных на основе сознательно выраженных ценностей. В данном случае под социальными движениями понимаются только те, которые выходят за рамки простых требований социальной группы или класса с тем, чтобы поставить под вопрос установленный тип доминанции и достичь контроля над развитием.

Начиная с этого момента социология, находясь перед лицом конфликтных социальных действий, должна ставить вопрос о том, является ли такая борьба подлинным социальным движением, конфликтным действием, нацеленным на социальный контроль над ориентациями общества, или же обычным кризисным действием, связанным с временными трудностями той или иной социальной группы. В первом случае движение сможет породить антидвижение, и важнейшей характеристикой социальных движений будет являться обязательное столкновение с этой оппозицией, столкновение, обусловленное сделанными ставками: "... социальное движение является весьма особым типом борьбы... Это коллективное конфликтное действие, посредством которого классовый агент противостоит агенту противоположного класса в целях социального контроля над культурными ориентациями своего типа коллективности" [26].

Таким образом, концепция "движения" характеризует всю теорию Алена Турена и высвечивает наиболее существенные аспекты ее предмета. Можно сказать, что главный предмет социологии в условиях индустриальных и постиндустриальных обществ заключается в том, чтобы проанализировать существующие социальные силы и исследовать те, которые контролируют движение, историчность. Что касается объектов конкретных исследований, они будут предложены соответствующими движениями, через которые социальные группы входят в конфликт по поводу управления культурными моделями. Одна из задач социологии - вовремя заметить появление новых движений и формирование новых социальных актеров.

Перевод с французского О.Ю. ЯРЦЕВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdieu P., Passeron J.-C. Les Heritiers, le Etudiants et leurs etudes. Paris: Ed. de Minuit, 1964.
2. Bourdieu P., Darbel A. L'Amour de l'art: les musees et leur public. Paris: Ed. de Minuit, 1966.
3. Bourdieu P. La Noblesse d'Etat: grandes ecoles et esprit de corps. Paris: Ed. de Minuit, 1989.
4. Bourdieu P. Choses dites. Paris: Ed. de Minuit, 1987. P. 70. См. также перевод этой книги на русский язык; Пьер Бурдьё. Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
5. Bourdieu P., Passeron J.-C. La Reproduction. Paris: Ed. de Minuit, 1970.
6. Choses dites. Op. cit. P. 16.
7. Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958.

8. *Panofsky E.* Architecture gothique et Pensee scolastique. Paris: Ed. de Minuit, 1967.
9. *Bourdieu P., Chamboredon J.-C Passeron J.-C.* Le Metier de sociologue. Paris: Mouton-Bordas, 1968.
10. *Borudieu P.* Champ intellectuel et projet createur // Les Temps modernes. Novembre. 1966. № 246.
11. *Esquisse d'une theorie de la pratique.* Geneve, Paris: Droz, 1972. P. 178.
12. *Bourdieu P.* Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit, 1980. P. 88-89.
13. *Bourdieu P.* La Distinction, critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979.
14. *Balandier G.* L'Anthropologie appliquee aux problemes des pays sous-developpes. Paris: Cours de droit, 1955; Sociologie actuelle de l'Afrique. Paris: PUF, 1955.
15. *Balandier G.* Sociologie des Brazzavilles noires. Paris: A. Colin, 1955.
16. *Balandier G.* La Vie quotidienne au royaume de Kongo du XVI au XVIII siecle. Paris: Hachette, 1965.
17. *Balandier G.* Sens et Puissance, les dynamiques sociales. Paris: PUF, 1971. Ire partie.
18. *Balandier G.,* 1967, 1980.
19. *Balandier G.* Le Detour: pouvoir et modernite. Paris: A. Fayard, 1985.
20. *Evolution du travail ouvrier aux usines Renault,* 1955.
21. *Ouvriers d'origine agricole,* 1961.
22. *Touraine A.* Sociologie de l'action. Paris: Ed. du Seuil, 1965.
23. *Touraine A.* Production de la societe. Paris: Ed. du Seuil, 1973.
24. *Touraine A.* Pour la sociologies Paris: Ed. du Seuil, coll. Points, 1974. P. 214-220.
25. *Touraine A., Grisoni D.* Un desir d'histoire. Paris: Stock, 1977. P. 125.
26. *Touraine A. (en coll.).* Crise et Conflit: lutte etudiante (1976). CORDES, 1977. P. 4-5.